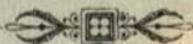

А. Образцовъ.

ШКОЛЬНАЯ РЕФОРМА.

Извѣстія, разсужденія и замѣтки по вопросамъ
общаго образованія.

Содержаніе:

1. Воззваніе,
2. Въ чемъ виновата классическая гимназія?
3. Какая реформа средней школы намъ нужна?

Цѣна 20 коп.

С.- ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-лит. М. Л. Зархина, Калашниковскій пр., 11.

1902.

ВОЗЗВАНІЕ.

Предпринятая въ настоящее время реформа средней школы представляет собою вопросъ великой общественной важности, и не столько для настоящаго, сколько для будущихъ поколѣній нашего великаго Отечества.

Починъ этого дѣла, данный съ высоты Престола 25-го Марта, возлагаетъ на наше поколѣніе огромную отвѣтственность за то направленіе, какое мы дадимъ нашему просвѣщенію, и за ту будущность, какую мы подготовимъ для нашего дорогого Отечества. Вспомнимъ, какъ рано стали мы привлекать къ этой отвѣтственности дѣятелей реформы гр. Д. А. Толстого, и какъ скоро начала клониться къ упадку установленная ими система; и не помогли ей подпорки, подставленныя подъ нее гр. Деляновымъ!

Понятно поэтому, отчего съ такимъ вниманіемъ наше Общество относится ко всему, что касается реформы средняго образованія. Къ сожалѣнію настоящее положеніе нашей повременной печати сложилось крайне неблагопріятно для того, чтобы этотъ важный вопросъ обсуждался въ ней съ надлежащимъ вниманіемъ и полнымъ безпристрастіемъ. Для однихъ изданій важна вѣрность разъ принятому направленію, для другихъ — благосклонность начальства, для третьихъ — иятанки, а для кого дороже всего истина, трудно сказать.

И вотъ ежедневно публикѣ преподносится или восторженныя привѣтствія грядущимъ преобразованіямъ, или неумѣренныя и необдуманныя порицанія настоящему положенію школьнаго дѣла.

Молча и съ замираніемъ сердца смотрятъ педагоги на то, какъ въ газетахъ кромсаютъ ихъ любимое дѣтище — школу. Воспрянемъ же, господа, и скажемъ прямое, свободное слово! Послужимъ честно Царю и Отечеству!

ВОЗВРАТ

Библиотека
 в народному
 образованию

№ 84010

Въ чемъ провинилась наша классическая школа?

Итакъ средняя школа должна быть единой и національной: классическихъ гимназій, да и то съ сокращеннымъ курсомъ, останется на всю Россію только пять; въ остальныхъ же среднихъ школахъ министерства народн. просв. будетъ преподаваться изъ древнихъ языковъ лишь одинъ — латинскій, и то лишь для желающихъ. Кадетскіе корпуса, духовныя семинаріи, коммерческія училища и т. д. будутъ конечно существовать по прежнему; что же касается до реальныхъ училищъ, то они останутся почти въ прежнемъ видѣ: всѣ преподававшіеся въ нихъ предметы будутъ преподаваться и въ единой средней школѣ, къ нимъ будутъ прибавлены лишь два новыхъ предмета: отечествовѣдѣніе и законовѣдѣніе. Значить, дѣло идетъ лишь объ одномъ видѣ средней школы, о классической гимназій. Во имя единой національной школы прежде господствовавшая классическая гимназія обречена на закланіе. Трудное дѣло насажденія у насъ классическаго образованія, дѣло двухъ славныхъ царствованій, будетъ сразу разрушено въ то самое время, когда оно только что получило возможность стать національнымъ русскимъ дѣломъ, приготовивъ цѣлое поколѣніе классиковъ: теперь мы уже не нуждались бы въ чехахъ и нѣмцахъ-классикахъ; не только учителей-филологовъ, а профессоровъ и академиковъ мы теперь имѣемъ достаточно изъ русскихъ людей. Еще немного времени и усилій, и наша классическая школа совсѣмъ бы освободилась отъ Кюнеровъ и Черныхъ съ ихъ послѣдователями, такъ тяжело насѣвшими на русское юношество; освободилась бы отъ всего, что было насильственно навязано ей несчастной реформой гр. Д. А. Толстого. Не съ семидесятихъ годовъ прошедшаго столѣтія беретъ начало русская классическая школа: она искони была классическою, какъ и въ западной Европѣ; но ненависть къ классицизму началась дѣйствительно съ этого времени, и гр. Д. А. Толстой является величайшимъ врагомъ русской классической школы, такъ какъ онъ нанесъ ей, быть можетъ, непоправимый ударъ въ общественномъ мнѣніи. Впрочемъ это неожиданное для

многихъ заключеніе не нами впервые высказывается. Въ недавно вышедшей книгѣ «Къ вопросу о реорганизаціи средняго образованія» гр. П. Капниста мы находимъ слѣдующее мѣсто: «реформа классическаго и реального образованія 1871—1872 года, въ общей основѣ своей правильно задуманная, была осуществлена способами, которые можно назвать почти преступными и которые причинили нашему среднему образованію большой вредъ, чѣмъ тотъ, которому оно подвергалось въ самыя мрачныя для просвѣщенія времена, пережитыя нашимъ отечествомъ, при чемъ едва ли не наибольший вредъ былъ нанесенъ именно классическому образованію, на которое благодаря ложной его постановкѣ, главнымъ образомъ, палъ odiumъ вновь установленнаго учебнаго режима».

Но чѣмъ же отличились реальныя училища, что теперь почти всѣ гимназіи рѣшено преобразовать въ нихъ или въ имъ подобныя школы?—Ровно ничѣмъ. Напротивъ, даже и въ тѣхъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, куда реалисты принимались наравнѣ съ гимназистами, послѣдніе не уступали первымъ и даже превосходили ихъ; сторонники реального образованія объясняли это превосходство частью отсутствіемъ восьмого класса въ реальномъ училищѣ, частью лучшимъ подборомъ учениковъ гимназіи; во всякомъ случаѣ разбираемыя обстоятельства говорятъ болѣе въ пользу гимназій, чѣмъ реальныхъ училищъ. Мало того, преподаватели, имѣющіе уроки въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, всегда отдавали предпочтеніе гимназистамъ передъ реалистами, кадетами и даже гимназистками; и такой отзывъ мы всегда неизмѣнно слышали отъ всѣхъ преподавателей разнородныхъ предметовъ, какъ то: закона Божія, математики, географіи, исторіи, русскаго языка и новыхъ языковъ. Намъ приходилось бесѣдовать по этому вопросу съ однимъ преподавателемъ высшаго учебнаго заведенія, куда гимназисты поступали наряду съ реалистами; и этотъ преподаватель, имѣвшій возможность видѣть рядомъ учениковъ той и другой школы, и въ общемъ принадлежа къ противникамъ классицизма, отдавалъ большое преимущество въ развитіи гимназистамъ; особенно замѣтно это ему было въ сочиненіяхъ, и онъ могъ, не справляясь о фамиліи писавшаго, угадывать, которое сочиненіе принадлежало бывшему гимназисту и которое—реалисту.

Извѣстный педагогъ Я. Г. Гуревичъ, преподававшій исторію въ различныхъ школахъ Петербурга и состоящій нынѣ директо-

ромъ гимназій и реального училища своего имени, пишетъ: «мы глубоко убѣждены въ полной несостоятельности результатовъ, достигаемыхъ средне-учебными заведеніями всѣхъ родовъ и видовъ, а не только классическими гимназіями, недостатки которыхъ во многихъ отношеніяхъ свойственны въ одинаковой, *если еще не въ большей мѣрѣ* и реальнымъ училищамъ, и корпусамъ, и женскимъ гимназіямъ и институтамъ, и другимъ средне-учебнымъ заведеніямъ». И далѣе: «результаты преподаванія во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ другихъ типовъ нисколько не лучше, *если еще не хуже*, чѣмъ въ нашихъ гимназіяхъ» («Русская школа» 1899 № 10).

Что оказалось для насъ неожиданнымъ, такъ это единогласный отзывъ преподавателей о превосходствѣ классной дисциплины въ гимназіяхъ надъ дисциплиной въ корпусахъ, и это обстоятельство мы готовы приписать свойству самихъ предметовъ, преподаваемыхъ въ названныхъ школахъ.

По вопросу о недостаткахъ гимназическаго образованія гр. Капнисть высказывается слѣдующимъ образомъ.

«При обсужденіи вопроса о средней школѣ у насъ обыкновенно имѣютъ въ виду только гимназію, а потому относятъ къ ней и къ господствующей въ ней классической системѣ образованія всѣ погрѣшности нашего средняго образованія, при чемъ, главнымъ образомъ приписываютъ гимназіямъ тотъ общій недостатокъ, что онѣ не только не даютъ своимъ воспитанникамъ достаточнаго общаго развитія, но даже, напротивъ, притупляютъ ихъ самостоятельность и способность къ самостоятельной мысли и работѣ, нивелируютъ ихъ способности и лишаютъ всякой индивидуальности, благодаря чему ученье принимаетъ характеръ отбыванія повинности и неосмысленнаго зубренія и обращается въ одну лишь погоню за дипломами и правами, утрачивая черезъ то все свое образовательное и воспитательное значеніе. Въ частности же, упрекаютъ гимназіи въ томъ, что учащіеся не выносятъ изъ нихъ ни должнаго знанія и владѣнія роднымъ языкомъ, ни достаточнаго пониманія новыхъ языковъ, столь необходимыхъ для дальнѣйшаго образованія, ни вообще какихъ-либо практически полезныхъ знаній, а вмѣстѣ съ тѣмъ не достигаютъ и главной цѣли гимназическаго образованія—основательнаго знанія древнихъ языковъ.

Какъ ни тяжки всѣ эти обвиненія, мы въ извѣстной мѣрѣ готовы признать ихъ справедливость, но на основаніи близкаго

знакомства со школами самыхъ разнообразныхъ видовъ, рѣшаемся утверждать, что всѣ эти погрѣшности нашего средняго образованія (кромя недостаточнаго знанія древнихъ языковъ, которое можетъ касаться лишь классическихъ заведеній) присущи, за рѣдкими развѣ исключеніями, не однимъ классическимъ гимназіямъ, а всѣмъ вообще нашимъ средне-учебнымъ заведеніямъ. Напротивъ, если эти недостатки и проявляются въ гимназіяхъ, то все таки *сравнительно въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ другихъ равныхъ имъ школахъ* (реальныхъ училищахъ, семинаріяхъ, корпусахъ, женскихъ гимназіяхъ и т. д.).

Мы приводимъ эту выдержку, какъ подтверждающую почти буквально то, что высказалъ по этому же вопросу и Петербургскій педагогъ, г. Гуревичъ. Слова гр. Канниста, какъ бывшаго попечителя Московскаго учебнаго округа, еще болѣе вѣски. Нападки именно на гимназіи и обиліе предложеній преобразовать именно классическую школу объясняются очень просто: всѣмъ непосвященнымъ въ педагогическое дѣло, кажется яснымъ, что стоитъ лишь бросить бесполезное изученіе древнихъ языковъ, и наши ученики получаютъ вдвое больше времени и силъ для занятій остальными предметами, будутъ вдвое образованнѣе. Однако на дѣлѣ этого не оказывается: кадеты, реалисты и гимназистки не тратятъ времени на древніе языки, и все таки въ остальныхъ предметахъ не стоятъ выше классиковъ, да еще обнаруживаютъ нѣкоторый пробѣлъ въ общемъ развитіи по сравненію съ гимназистами. Одинъ упрекъ можетъ быть сдѣланъ нашимъ гимназистамъ: они не изучаютъ естествовѣдѣнія; но посмотримъ, что они при этомъ теряютъ. Въ той же статьѣ «къ вопросу о реформѣ системы средняго образованія» г. Гуревичъ пишетъ: «естествовѣдѣніе вовсе не изучается въ классическихъ гимназіяхъ; во всѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ оно входитъ въ программу (реальныя училища, корпуса, учительскіе институты, женскіе институты и гимназіи) носитъ чисто описательный характеръ и сводится къ зазубриванію безконечной, забивающей память, но не порождающей любви къ природѣ номенклатуры; живое наглядное знакомство съ природою своей родины совершенно почти отсутствуетъ въ нашей средней школѣ»

Соплемся также на извѣстный циркуляръ покойнаго Министра Боголѣпова. И въ немъ говорится о недостаткахъ нашей средней школы вообще, и классическія гимназіи не отдѣляются отъ реальныхъ училищъ.

Итакъ, на взглядъ серьезныхъ и близко стоящихъ къ дѣлу людей, гимназiи ни въ чемъ особенномъ не провинились по сравненiю съ другого рода средне-учебными заведенiями; на взглядъ же людей, желающихъ во что бы то ни стало покончить съ классической системой общаго образованiя, во всемъ, рѣшительно во всемъ, виноваты классическiя гимназiи. Онѣ виноваты въ мертвенности, въ формализмѣ, въ нигилизмѣ, въ отсутствii любви къ отечеству, прямо въ истребленii русскаго юношества, при чемъ классицизмъ уподобляется Молоху, требующему чело-вѣческихъ жертвоприношенiй (Евг. Марковъ); классическiя гимназiи обвиняются въ развитii лжи, лицемерiя и отвращенiя къ наукѣ въ учащихся; ихъ же обвиняютъ въ нашей бѣдности и неумѣнii пользоваться своими естественными богатствами, въ порабощенii насъ иностранцами; однимъ словомъ, во всѣхъ нашихъ неурядицахъ и невзгодахъ виноватъ классицизмъ! Даже неурожаи приписываются ему, и на этомъ основанii придумываются остроумныя карикатуры, изображающiя, какъ русскiй дворянинъ старается пахать землю греческой грамматикой Кюнера... Очень весело!

По старой привычкѣ обвиняютъ классическую гимназiю въ томъ, что она постоянно выгоняетъ изъ своихъ стѣнъ множество неудачниковъ, не окончившихъ въ ней курса, а эти неудачники пополняютъ собой рядъ недовольныхъ настоящимъ порядкомъ вещей юношей, готовыхъ на всякое преступленiе нигилистовъ. Однако недавно г. Посадскiй статистически доказалъ, что на примѣръ въ Киевскомъ учебномъ округѣ число переходящихъ въ слѣдующiй классъ и оканчивающихъ курсъ въ гимназiяхъ относительно стоитъ выше, чѣмъ въ другихъ среднихъ школахъ. Также и гр. Капнистъ указываетъ намъ, что гимназiя до преобразованiя въ строго классическую выпускала относительно меньше оканчивающихъ курсъ, чѣмъ гимназiя 90-хъ годовъ, при чемъ берутся для сравненiя 1863 и 1893 г.г.

Къ этому мы можемъ прибавить, что всякая школа должна производить извѣстный подборъ учащихся, и не ея вина въ томъ, что не всѣ юноши могутъ найти для себя подходящiя школы; впрочемъ въ послѣднее время стало нѣсколько легче въ этомъ отношенii: понастроено не мало училищъ разнаго рода, куда и могутъ обращаться юноши, не одолѣвшiя общеобразовательной школы.

Недостатокъ мѣста въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ за-

веденіяхъ и лишеніе доступа въ университеты были обидны для реальной общеобразовательной школы, которая вездѣ должна была отступать передъ классической,— все это также возбуждало въ обществѣ вражду къ послѣдней. Къ этому присоединилось и неудачное преобразование порядковъ въ самой классической гимназіи, произведенное въ 1890-мъ году, когда изъ гимназіи была сдѣлана въ нѣкоторомъ родѣ ловушка для мальчиковъ съ ихъ родителями: до четвертаго класса включительно новыми правилами дѣлались всевозможныя послабленія, а начиная съ пятаго— заведены были строгости, въ шестомъ— стали требовать по древнимъ языкамъ того же, что прежде требовалось въ восьмомъ классѣ; число же уроковъ по этимъ предметамъ было уменьшено. И вотъ, малоспособный или лѣнивый юноша, съ трудомъ дотащившійся до пятаго или шестого класса, долженъ былъ оставлять гимназію, достигнувъ 16—18-лѣтняго возраста. Куда онъ могъ поступить? Другое дѣло мальчикъ, вышедшій изъ второго или третьяго класса: онъ еще успѣетъ къ чему-нибудь приготовиться. Козлищами отпущенія въ такихъ случаяхъ являлись конечно изверги-учителя, преподаватели древнихъ языковъ; ихъ били и бьютъ въ четыре кнута: начальство— за неумѣнье учить и за деревянное отношеніе къ живому матеріалу, юношество— за жестокость и несправедливость, общество и печать— за формализмъ, чиновническое отношеніе къ дѣлу, наконецъ за баллы, за экзамены, за программы и за все, въ чемъ учителя совсѣмъ и неповинны, такъ какъ не ими все это установлено. Съ учителей ненависть была перенесена и на преподаваемые ими предметы..

Конечно ничего этого не было бы, если бы учебное дѣло велось у насъ педагогами, если бы существовали у насъ педагогическіе съѣзды и общества; если бы о школьномъ дѣлѣ не печаталось всякаго вздора людьми, ничего общаго съ педагогическимъ дѣломъ не имѣющими; если бы наше общество, занимаясь педагогическими вопросами, читало не одни газетные фельетоны, но заглядывало бы и въ спеціальныя педагогическія журналы и книги, гдѣ нашло бы отвѣтъ на многія изъ своихъ гаданій и недоумѣній. Тогда бы не такъ легко увлеклось оно призракомъ единой національной, дающей мастеровъ на всѣ руки, школы.

Лицамъ, стоящимъ во главѣ школьнаго дѣла, можно не признавать педагогики, какъ науки, можно даже презирать педагоговъ; но имъ необходимо знать, чего можно требовать отъ педагоговъ и чего нельзя, а этому можетъ научить лишь педагогика,

и безъ этого никакая реформа въ школьномъ дѣлѣ не будетъ удачной.

Изъ всего сказаннаго выходитъ, что *корень школьнаго зла лежитъ не въ самой школѣ, а внѣ ея, въ нашемъ отношеніи къ школьному дѣлу*; оттого то мы и недовольны школами всѣхъ вѣдомствъ и всѣхъ направленій, а на лучшія изъ школъ—именно на классическія гимназіи—нападаемъ съ особою яростью, *что сами не знаемъ, чего хотимъ*.

Если хотите сдѣлать что нибудь существенное для процвѣтанія школы, то обратите прежде всего вниманіе на душу школы, т. е. на учителя; не смотрите на него, какъ на «голодную шваль», нѣмого исполнителя предписаній начальства; не дѣлайте его козломъ отпущенія за грѣхи всего общества и не кричите на него со всѣхъ сторонъ, какъ на запуганнаго зайца. Охотниковъ кричать и травить всегда много найдется, но разбираться въ своемъ школьномъ дѣлѣ опять придется тому же учителю. Говорятъ, школа должна поддерживать въ питомцахъ жизнерадостный духъ (д-ръ Виреніусъ), но откуда взять жизнерадостности нашему учителю? Вѣдь если вы называете отношенія учителя къ ученикамъ «деревянными», то ваши отношенія къ учителю слѣдовало бы назвать каменными.

Какая реформа нужна нашей средней школѣ?

Въ комиссіи по преобразованію средней школы былъ поставленъ вопросъ «о возможности немедленнаго обезпеченія преобразуемой средней школы преподавателями естественныхъ наукъ, законовѣдѣнія и отечествовѣдѣнія». Съ такимъ же вопросомъ встрѣтилась въ свое время и классическая реформа, когда вдругъ понадобились въ большомъ количествѣ преподаватели древнихъ языковъ. Извѣстно съ какимъ трудомъ и какъ неудачно рѣшенъ былъ тогда этотъ вопросъ; его неудачному рѣшенію можно приписать отчасти неудачу и всей реформы гр. Д. А. Толстого.

Школа, и особенно національная школа, создается не годами и не десятилѣтіями, а столѣтіями: такъ медленно вырабатывается образецъ учителя извѣстной школы; для его выработки необходимы извѣстные преданія, основанныя на продолжительномъ опытѣ; необходимъ рядъ поколѣній учащихся и учащихся, на которыхъ провѣрялся бы сдѣланный опытъ; необходима наконецъ увѣренность въ прочности установленной системы образованія: ничто такъ не ослабляетъ человѣческаго усердія, какъ неуверенность въ завтрашнемъ днѣ. «Одинъ день, говоритъ Коменскій, будетъ учителемъ другого, такъ что, кто сегодня былъ несвѣдущимъ, завтра будетъ обладать знаніемъ и принесетъ свои наблюденія, *обязательныя какъ для него такъ и для его преемниковъ.* Такимъ образомъ успѣхи учащихся и учащихся постоянно пойдутъ впередъ». Надо признаться, что наша классическая система съ самаго начала была лишена этой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ: такъ круто, неестественно и съ такимъ насиліемъ надъ общественнымъ мнѣніемъ она была введена у насъ; казалось, все зависѣло отъ жизни одной личности.

При такой поспѣшности и рѣшительности приходилось съ одной стороны набирать несвѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ учителей, а съ другой отказываться отъ услугъ такихъ выдающихся педагоговъ, какъ Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, В. Я. Стоюнинъ и др. Такимъ образомъ и нашъ собственный опытъ убѣждаетъ насъ, что всякія реформы въ школьномъ дѣлѣ должны быть

вводимы медленно и постепенно, по мѣрѣ подготовки необходимыхъ для нея дѣятелей и по мѣрѣ постепенно возрастающаго общественнаго сочувствія къ новой системѣ образованія, а это сочувствіе можетъ выразиться лишь при свободномъ выборѣ обществомъ той или другой школы для своихъ дѣтей. *Подумаешь, государству угрожала неминуемая гибель, если бы къ извѣстному сроку не были выписаны изъ заграницы учителя-классики, и не были бы во всѣхъ захолустьяхъ открыты новыя классическія гимназіи!*

Другое дѣло — разрушить школу, уничтожить работу нѣсколькихъ поколѣній. О, это можно скоро сдѣлать! При радостныхъ кликахъ и гиканьи полуобразованной толпы повалится это крупное, составленное изъ разнородныхъ частей и только что начинавшее крѣпнуть, зданіе нашего классицизма. Уже одна газета приравняла это разрушеніе классической системы образованія къ уничтоженію крѣпостного права! Боимся только, не назвала бы эта газета черезъ нѣсколько лѣтъ славу дѣятелей современной учебной реформы славою Герострата. Вѣдь эта же газета въ свое время восхваляла и классицизмъ, превозносила и дѣятельность графовъ Толстого и Делянова, а когда ей понадобилось помянуть добрымъ словомъ Н. П. Боголѣпова, то она сказала, что не могъ покойный министръ «исправить въ три года то, что портилось тридцать лѣтъ». Коротко и ясно!

Мы слишкомъ забывчивы, и за это исторія больно наказываетъ насъ. Говорятъ, исторія не повторяется; а вотъ у насъ она повторяется: классическія гимназіи существовали у насъ и до реформы гр. Толстого; это такъ называемыя Уваровскія гимназіи, въ которыхъ латинскій языкъ преподавался начиная съ перваго класса, а греческій — для желающихъ и по мѣрѣ приготовленія учителей этого языка; затѣмъ черезъ 20 лѣтъ ихъ процвѣтанія онѣ были разрушены: латинскій языкъ, заподозрѣнный въ политической неблагонадежности, былъ замѣненъ естественновѣдѣніемъ и новыми языками, а потомъ лѣтъ черезъ 10 послѣдовали реформы Головина и гр. Толстого. Графъ П. Капнистъ напоминаетъ намъ, какъ знаменитый Т. Н. Грановскій въ блестящей статьѣ своей — «Ослабленіе классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныя послѣдствія этой системы» — высказалъ глубокую скорбь по поводу разрушенія классической школы, такъ удачно задуманной въ 1828 г. и только что начинавшей крѣпнуть и развиваться, и предсказывалъ печальныя послѣдствія, къ которымъ должна была привести подобная мѣра. Предсказанія Гра-

повскаго сбылись даже скорѣе, чѣмъ онъ могъ ожидать: черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ гимназіи пришли въ такое беспорядочное состояніе, что и правительство и печать признавали его долѣе нетерпимымъ.

Лишь временно, на одинъ годъ, преобразование коснулось низшихъ классовъ нынѣшней классической школы. Ея противники, предчувствуя свое торжество, продолжаютъ противъ нея свои выходы, несостоятельность которыхъ мы уже неоднократно доказывали, а наши противники лишь отмалчивались и увѣряли почтеннѣйшую публику, что имъ никто не возражаетъ. Теперь вопросъ о преобразованіи гимназій обсуждается нѣкоторыми педагогическими совѣтами, и всякій стоящій близко къ школьному дѣлу, долженъ способствовать выясненію вопроса а потому и мы рѣшаемся высказать свои сужденія безъ всякаго пристрастія. Мы ничего не имѣемъ противъ новой національной средней школы, но желали бы, чтобы и эта школа существовала рядомъ съ прежними и сперва на дѣлѣ доказала бы свою жизнеспособность и преимущество передъ существующими средними школами разнаго рода.

Было бы очень печально, если бы и намъ пришлось присутствовать при новой ломкѣ классической школы и дѣлать неблагоприятныя предсказанія по поводу предполагаемой въ настоящее время реформы.

Многочисленное возрожденіе у насъ классической школы показываетъ, что въ ней есть какая то таинственная живучесть. Мы думаемъ, что эта живучесть заключается въ единствѣ и преемственности европейско-христіанской культуры, съ которой и мы безнаказанно порвать не можемъ. Не даромъ наши противники стали указывать намъ на *турецкую гимназію*, какъ на образецъ для подражанія!

Не мѣшаетъ также вспомнить и циркуляръ Н. П. Боголѣпова, изданный имъ въ виду предстоявшей комиссіи по вопросамъ о средней школѣ. «Обсуждая желательныя перемѣны, сказано въ циркулярѣ, въ существующемъ строѣ классической гимназіи и реальнаго училища, комиссія должна руководиться соображеніемъ, что къ этой цѣли нужно идти постепенно и осторожно, ибо учебное дѣло не терпитъ грубой ломки. Слѣдуя этой точки зрѣнія, необходимо при этомъ имѣть въ виду, что современныя условія русской жизни требуютъ умноженія разнаго рода профессиональныхъ учебныхъ заведеній, приготовляющихъ своихъ

воспитанниковъ непосредственно къ практической дѣятельности. Этотъ путь постепеннаго улучшенія классической и реальной школы и возможно большаго распространенія профессиональнаго образованія въ нашемъ отечествѣ откроетъ широкую возможность *свободнаго и правильнаго распредѣленія учащихся, по ихъ призванію, подготовкѣ и условіямъ жизни*, между различными видами учебныхъ заведеній»...

Тѣ же мысли мы встрѣчаемъ и у гр. П. Капниста: «въ школьномъ дѣлѣ, и въ особенности въ постановкѣ собственно учебнаго дѣла, болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ, почеркомъ пера можно только разрушать; созиданіе же требуетъ продолжительнаго, упорнаго и, главное, послѣдовательнаго труда, который хотя медленно, но всегда приведетъ къ желаемымъ результатамъ, если только точка отправленія установлена вѣрно».

По истинѣ великій, историческій путь чести и славы предстоитъ у насъ тому министру народнаго просвѣщенія, который, оставивъ всякіе партійные счеты и предубѣжденія, открыто и честно пойдетъ навстрѣчу жаждѣ къ просвѣщенію этой огромной страны и этого великаго народа, задыхающагося въ тискахъ невѣжества и со страхомъ озирающагося кругомъ, при видѣ сосѣднихъ и отдаленныхъ народовъ, такъ далеко обогнавшихъ его на пути къ просвѣщенію. Намъ кажется, что этотъ путь открытъ намъ именно теперь, когда съ высоты Престола постъ министра народнаго просвѣщенія признанъ особенно важнымъ, и всѣ дѣятели этого министерства призваны къ разумному и сердечному попеченію объ учащихся.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ представителей печати, которые утверждаютъ, что въ школѣ не мѣсто политикѣ. Въ числѣ другихъ общепризнанныхъ истинъ, каковы религіозныя, математическія, логическія и др., которыя должны быть преподаваны юношеству, должны быть и политическія, каковыя и войдутъ въ составъ новаго предмета—законовѣдѣнія. Надо только помнить, что не предметы и не программы дѣлаютъ политику въ школѣ, а лица выполняющія эти программы: невозможно, наприкладъ, допустить, чтобы республиканское правительство набирало преподавателей изъ числа убѣжденныхъ монархистовъ, и наоборотъ; необходимо также отличать политику государственную отъ сословной или партійной, и съ этой стороны никакой предметъ, будь это латинскій языкъ или естествознаніе, не можетъ считаться неблагонадежнымъ.

Дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія по отношенію къ школь должна быть созидательною, а не разручительною. Мы не можемъ похвалиться избыткомъ средне-учебныхъ заведеній, а существующія заведенія страдаютъ отъ переполненія; слѣдовательно открытіе новыхъ школь будетъ первымъ шагомъ къ улучшенію существующихъ, избавивъ ихъ отъ переполненія. Пусть рядомъ съ классической и реальной школой будетъ поставлена и новая національная школа; тогда вопросъ о преподавателяхъ новыхъ предметовъ будетъ рѣшенъ исподоволь: ихъ можно будетъ назначать со строгимъ выборомъ и готовить по мѣрѣ надобности. Когда же программы новыхъ предметовъ твердо установятся и благотворные плоды ихъ преподаванія будутъ постепенно всѣми признаны, тогда можно будетъ съ тою же постепенностью ввести эти предметы и во всѣ средне-учебныя заведенія.

Уравненіе правъ на высшее образованіе для реальной, классической и национальной средней школы сдѣлаетъ возможнымъ ихъ одновременное и мирное совмѣстное существованіе, которое поведетъ ихъ къ взаимному соревнованію и къ усовершенствованію; въ то же время будетъ исполнено справедливое желаніе Н. П. Боголѣпова, чтобы обществу была предоставлена возможность выбора между различнаго рода школами. Само собою разумѣется, что число лѣтъ обученія, плата за ученіе, также и положеніе учащихся въ равноправныхъ школахъ должны быть уравнены, а затѣмъ каждая школа поведетъ своихъ питомцевъ по своему: въ разнообразіи залогъ жизненности, а единообразіе ведетъ неизбѣжно къ мертвенности и формализму, отъ которыхъ мы такъ хотимъ теперь избавить среднюю школу. Время скоро покажетъ, какая школа пользуется большимъ сочувствіемъ общества, и какая лучше готовитъ молодыхъ людей къ жизни и къ поступленію въ высшія учебныя заведенія.

Такимъ путемъ можетъ выработаться у насъ единая національная общеобразовательная школа, если только она возможна. Одновременное же преобразование классическихъ и реальныхъ школь въ новую національную школу было бы такимъ же насиліемъ надъ общественнымъ мнѣніемъ, какимъ было и введеніе классической реформы въ семидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Конечно наши земскія и городскія собранія, за исключеніемъ развѣ окраинъ выскажутся за уничтоженіе классицизма; но это будетъ лишь недоразумѣніемъ, потому что этимъ путемъ

будетъ высказано только недовольство существующимъ положеніемъ школьнаго образованія и желаніе хоть какой-нибудь перемѣны въ этомъ дѣлѣ. Да еще вопросъ, насколько нынѣшнія думы и земства могутъ служить выразителями общественнаго мнѣнія. Между тѣмъ далеко не всѣ родители отдавали своихъ дѣтей въ гимназію съ предубѣжденіемъ противъ древнихъ языковъ; иные, напротивъ, старались убѣдить дѣтей въ необходимости ихъ изученія, да не всѣ и гимназисты занимаются древними языками съ отвращеніемъ, какъ въ этомъ хотятъ увѣрить насъ противники классической системы.

Въ реформѣ нуждается прежде всего само министерство народнаго просвѣщенія въ своихъ отношеніяхъ къ школьному дѣлу и къ его дѣятелямъ; затѣмъ должно быть измѣнено къ лучшему имущественное и нравственное положеніе учителей и обращено вниманіе на ихъ подготовку къ школѣ; наконецъ могли бы быть приняты мѣры къ сближенію школы съ семьей, такъ наприимѣръ родители учениковъ каждой школы могли бы избирать на извѣстный срокъ своихъ представителей въ педагогическій совѣтъ данной школы и въ экзаменныя комиссіи съ правомъ голоса; можно бы предоставить городамъ право приглашать и избирать для своихъ школъ директоровъ и даже преподавателей съ утвержденія министра или попечителя.

Что же касается до частичныхъ измѣненій въ программахъ, въ распредѣленіи часовъ занятій и въ методахъ преподаванія, то это мы предоставили бы педагогическимъ совѣтамъ и създамъ, которые и представляли бы въ свою очередь различныя измѣненія и предположенія на утвержденіе министерства. Само собою разумѣется, что при этомъ содержаніе учителей не должно зависѣть отъ количества даваемыхъ ими уроковъ, а лишь отъ класса должности ими занимаемой, какъ это водится повсюду на государственной службѣ. Зависимость содержанія учителей отъ количества даваемыхъ ими уроковъ внесла глубокое развращеніе въ учительскую среду, заставивъ ее вѣчно дрожать за свое существованіе и обрекать себя на добровольную каторгу. Именно поурочная плата дала возможность директорамъ уничтожить всякую самостоятельность педагогическихъ совѣтовъ, возстановить которую тщетно старался Н. П. Боголѣповъ; она же сдѣлала учителей готовыми исполнять всякое желаніе начальства, какъ бы оно ни казалось имъ незаконнымъ и несправедливымъ, а это подрывало чувство законности и въ учащихъ; она наконецъ

заставила учителей рысать по городу целый день, нахватывая повсюду уроковъ, и такимъ образомъ работать за двоихъ и за троихъ, при чемъ сердобольное начальство говорило имъ: «не женитесь, господа: семейному учителю трудно жить на свои скудные заработки», а родители учениковъ въ свою очередь говорятъ холостому учителю: «Вы не можете быть хорошимъ педагогомъ, потому что не имѣете своихъ дѣтей».

Вотъ гдѣ обширное поприще для преобразованій въ нашей средней школѣ, а не въ учебныхъ предметахъ и программахъ, которые всегда будутъ въ зависимости отъ тѣхъ, въ чьи руки они попадутъ. Предлагаемый нами путь преобразованій не потребовалъ бы ни большихъ ни малыхъ комиссій, не возбудилъ бы столько общественныхъ толковъ и газетныхъ разсужденій, не послужилъ бы предметомъ скоропреходящаго восторга толпы и газетныхъ угодниковъ этой толпы; но онъ былъ бы вѣрнымъ путемъ къ прочному усовершенствованію нашего средняго образованія и послужилъ бы истиннымъ доказательствомъ «сердечнаго попеченія» начальства о своемъ вѣдомствѣ, видѣвшемъ до сихъ поръ только сердитое къ себѣ отношеніе, а никакъ не сердечное.

Русская средняя школа долго ждала своей очереди, когда бы и на нее обратила свое милостивое вниманіе верховная власть; теперь она дождалась этой очереди, и можно надѣяться, что «обремененіе государственнаго казначейства» не будетъ ставиться препятствіемъ на каждомъ шагу къ улучшеніямъ въ вѣдомствѣ просвѣщенія. Было бы очень прискорбно, если бы эти улучшенія начались съ разрушенія того, надъ чѣмъ десятки лѣтъ съ такимъ самоотверженіемъ трудились русскіе педагоги. Не смотря на неблагоприятныя обстоятельства, наша классическая гимназія до сихъ поръ шла во главѣ средняго образованія: ни одна школа другого рода не превзошла ея; могла съ нею соперничать только Толстовская же духовная семинарія, но та уже давно разрушена и изъ общеобразовательной обращена въ церковную школу. Что бы тамъ ни говорили противники классицизма, у насъ теперь есть педагоги классики и математики, и *ими до сихъ поръ держалась наша средняя школа*; есть конечно учителя и другихъ предметовъ, но меньше всего порядочныхъ учителей естествовѣдѣнія и новыхъ языковъ, совсѣмъ нѣтъ учителей отечествовѣдѣнія и законовѣдѣнія для средней школы. А еще г. Головачевъ совѣтуетъ поскорѣй убрать изъ школы всѣхъ классиковъ. На французовъ и нѣмцевъ что ли онъ надѣется?

«Я человекъ, и все возможное для человека мнѣ доступно»; вотъ тотъ идеаль, къ которому стремится классическая гимназія для своихъ питомцевъ, къ тому же должна стремиться и всякая общеобразовательная школа, по скольку она оправдываетъ свое назначеніе и названіе. Единая національная школа, особенно когда рядомъ съ ней не будетъ ни реальной ни классической, непременно должна отклониться отъ выставленнаго нами идеала и изъ общеобразовательной она обратится только въ національную, а можетъ быть и въ узко-партийную. Сокращеніе срока обученія на одинъ годъ очень соблазнительно и дастъ національной школѣ много сторонниковъ, но оно противорѣчитъ часто высказывавшимся у насъ желаніямъ ввести въ среднюю школу такіе предметы, какъ философія и психологія, или обратить первые годы университетской науки въ подготовительные, что неудобно по многолюдству университетскихъ курсовъ.

Классицизмъ вовсе не мѣшаетъ школѣ быть національной, какъ это доказывалось недавно въ «Спб. Вѣд.» ссылкой на Хомякова; тоже мы находимъ и у нашего знаменитаго педагога Ушинскаго, хотя онъ и не былъ приверженцемъ классической школы.

«Въ школахъ всего образованнаго міра, писалъ Ушинскій, удержавшихъ вездѣ и до сихъ поръ свое средневѣковое названіе школы, вездѣ преподается одна и та же латинская и греческая грамматика, изучаются одни и тѣ же латинскіе и греческіе писатели, одна и та же математика, не признающая никакихъ національностей, та же исторія со своими нескончаемыми пуническими войнами; но *всякій народъ ищетъ и находитъ въ этихъ всемірныхъ учителяхъ особенную пищу, сообразную его національности*. Не смотря на сходство педагогическихъ формъ всѣхъ европейскихъ народовъ, у каждаго изъ нихъ своя особая національная система воспитанія, своя особая цѣль и свои особые средства къ достиженію этой цѣли».

Только у насъ нѣтъ своей національной школы, потому что мы плохо ухаживаемъ за этимъ нѣжнымъ растеніемъ и слишкомъ часто его пересаживаемъ, не давая ему укорениться и разростись въ большое дерево.

«Порывать связь съ прошлымъ, откидывая единственное орудіе его непосредственнаго познанія (древніе языки),—говоритъ С. А. Рачинскій,—лишать себя тѣмъ самымъ единственныхъ данныхъ, позволяющихъ намъ плодотворно работать для будущаго,—

было бы столь же превратно и безумно, какъ ограничивать свое знаніе настоящаго случайнымъ мѣстомъ своего жительства. Азбучная эта истина нынѣшними прообразователями нашей школы очевидно забыта. Напоминать о ней настойчиво и громко—долгъ всякаго мыслящаго человѣка. Увлеченіе, нынѣ овладѣвшее обществомъ и грозящее отразиться на мѣропріятіяхъ Правительства, конечно пройдетъ. Но одной попытки осуществить предполагаемую ломку достаточно, чтобы искалѣчить умственно и нравственно цѣлое поколѣніе. Absit omen!»

Складъ изданія „Школьная реформа“ находится у
автора: С.-Петербургъ, Кирилловская улица, 7-я
гимназія.

Здѣсь же продаются слѣдующія книги:

А. Образцовъ. «Просвѣтительные завѣты Амоса Коменскаго и современное ихъ значеніе». Ц. 40 к.

А. Образцовъ. «Священная исторія. Вѣтхій завѣтъ по Библіи подъ редакціей Протоіерея Ѳ. Ставровскаго». Ц. 80 к., въ перепл. 1 р., въ изищи. перепл. 1 р. 20 к. Для дѣтскаго и семейнаго чтенія *).

С. Дестунисъ. «Превращенія». Сказка для дѣтей младшаго возр. съ картинами. Ц. 30 к. Напечатана крупнымъ шрифтомъ.

А. Луканинъ. «Темные люди». Для дѣтей и юношества разсказъ. Съ картинами. Ц. 40 к.

А. Луканинъ. «Кладъ». Разсказъ для дѣтей и народа. Ц. 15 к.

А. Образцовъ. «Сила молитвы или Товитъ». Ц. 3 к.

А. Образцовъ. «Святые Ілія и Елисей, великіе пророки Израильскіе». Ц. 5 к.

А. Образцовъ. «Первоначальный учебникъ греческаго языка». Ч. I. Этимологія. Ц. 60 к. Ч. II. Синтаксисъ Ц. 60 к.

Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ.
Книги высылаются и наложеннымъ платежемъ.

*) Отзвъ журнала „Духовный Вѣстникъ“: „Для чтенія ветхозаветной исторіи можно рекомендовать вновь вышедшее изданіе г. Образцова: Священная исторія вѣтхаго завѣта, какъ изложенное простымъ и легкимъ языкомъ, въ формѣ краткихъ отдѣльныхъ разсказовъ, коихъ числомъ 80. Книжка (272 страницы) издана изищю, напечатана крупнымъ, четкимъ шрифтомъ и по цѣнѣ недорого“.